

**ЛЕОНИД
КРАВЧЕНКО**

**Лебединая
песня
ГКЧП**

Суд истории

Леонид Кравченко

Лебединая песня ГКЧП

«Алисторус»

2010

Кравченко Л. П.

Лебединая песня ГКЧП / Л. П. Кравченко — «Алисторус»,
2010 — (Суд истории)

Ровно двадцать пять лет назад в СССР началась перестройка. Она привела к таким катастрофическим последствиям, которых не могли вызвать ни мировые войны, ни революции. Советский Союз был взорван изнутри небольшой группой влиятельных лидеров партии и государства; подобного преступления еще не знала история. Автор настоящей книги Леонид Кравченко, легенда отечественной журналистики, в 1991-м руководитель Гостелерадио СССР, был тогда в самом эпицентре событий, связанных с ГКЧП, свидетелем бесконечных предательств – людей и идей. Показывая перестройку как акт государственной измены, он приводит в доказательство многие малоизвестные факты деятельности руководителей партии и государства, возглавляемых Горбачевым.

© Кравченко Л. П., 2010

© Алисторус, 2010

Содержание

О времена, о нравы!	5
Глава I	8
Глава II	14
Глава III	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Леонид Петрович Кравченко

Лебединая песня ГКЧП

О времена, о нравы! Вместо предисловия

Среди неисчислимого обилия мемуарной литературы, посвященной перипетиям перестроечных лет, воспоминания Леонида Кравченко занимают место особое. И не потому, что насыщены уникальными, не известными доселе широкому читателю подробностями верхушечной борьбы за власть. В соревнованиях по части сенсационности трудно определить лидера, к тому же Кравченко изначально отказался от участия в них, и самые поразительные, самые интригующие факты предлагает читателю без пережима, без нагнетания эмоций – как бы между делом, спокойно собирая крупинки истории. Особость, я бы даже сказал, исключительность его книги заключается в другом – в том, что автор, повествуя о событиях почти четвертьвековой давности, на самом-то деле бьет в самую болевую точку наших, сегодняшних дней.

Нет, он не сопоставляет, не сравнивает, он размышляет только о прошлом. Но то, о чем он пишет, заставляет сопоставлять и сравнивать читателя – сравнивать нынешний день с прошедшим, и потому мемуары Кравченко, по сути, представляют собой архисовременную книгу.

Леонид Петрович Кравченко в годы перестройки возглавлял Гостелерадио СССР, и значительная часть его воспоминаний посвящена телевидению того периода. А если добавить к тому, что именно Кравченко пригласил на ТВ многих нынешних «королей эфира», если учесть, что сегодня в телевизионном сообществе, да и в обществе в целом, устойчиво возобладало мнение о том, что перестроечный период был временем расцвета демократии в СМИ, и в частности на ТВ, то нетрудно понять: припоминая минувшее, бывшее, Кравченко, возможно, помимо своей воли, очень метко целит в настоящее.

А вообще-то читать его книгу хотя очень интересно, однако тяжело и даже страшно. Какие все-таки жуткие были времена! Как нахраписто, нагло, презирая все нормы приличия, рвалась к власти ельцинская когорта – под флагом демократии! «Демороссы» (теперь это словцо уже позабылось, новые поколения его и не слышали, а в годы перестройки «демороссами» называли радикальных приверженцев движения «Демократическая Россия» – демократическая!) не только устраивали руководителю телевидения Леониду Кравченко бойкот, добиваясь его отставки, но и угрожали ему, его семье физической расправой. Это не домыслы, не предположения, это данные службы безопасности, которая вынуждена была взять председателя Гостелерадио под спецохрану: шестеро вооруженных офицеров денно и нощно оберегали Леонида Петровича и его жену от покушения.

О времена, о нравы! И такое творилось, повторю, под флагом демократии!

Но еще страшнее то, что со страниц книги Леонида Кравченко дыбом, неизреченным воплем – опять-таки помимо желания автора, не нагнетающего страсти, – встает такая отвратительная, но, увы, родовая черта перестроечной эпохи, как предательство. Предательство не только из политических соображений, но зачастую и библейское – за «тридцать сребреников»: ведь речь шла о невиданном и стремительном обогащении, до чести ли тут? А если учесть, что большинство персонажей книги, ее, так сказать, действующих лиц остаются на телевидении и сегодня... Нет, не припомню я мемуаров, которые самой сутью своей были бы так тесно, нерасторжимо связаны с нынешним днем. В этом и есть исключительность, особость книги Леонида Кравченко.

С самого начала перестройки Горбачев рассматривал телевидение как важнейшее, решающее средство влияния на общественные настроения, как мощный рычаг реформирования страны. Внимание партийной верхушки к телевидению было огромным, вокруг него шла острейшая борьба, цели которой были ясны: какая из политических сил – горбачевская или ельцинская – захватит телевидение. Впрочем, такой подход вполне естественен, закономерен, так было всегда, так и сегодня продолжается, хотя в иных формах. Но перестроечные годы круто отличаются тем, что борьба за ТВ шла под издевательски демагогическим лозунгом «СМИ – зеркало жизни!». Причем тезис о «зеркале» выдвинул и назойливо продвигал небезызвестный главный архитектор перестройки, на которого в то время буквально молились радикалы и чье имя сегодня не принято упоминать даже в среде его бывших сподвижников и горячих поклонников. И это торопливое забвение – словно отголосок перестроечной эпохи предательств, которая в полный рост встает со страниц книги Леонида Кравченко.

Эти бесконечные предательства – и людей и идей! – привели к тому, что славное слово «демократ» в народе теперь воспринимают с неким негативным «ароматическим» оттенком. А ведь и в годы перестройки были настоящие, истинные демократы. Леонид Кравченко, конечно же, из их числа. Это при его непосредственном участии на телевидении родились известные передачи «Взгляд», «До и после полуночи», «Телеутро», которые, по сути, открыли эпоху принципиально нового бесцензурного ТВ. При Кравченко часы прямого эфира увеличились в двадцать(!) раз. Именно Кравченко впервые организовал ныне знаменитый конкурс песни в Юрмале... Профессионализм и порядочность – это хорошо знакомое мне по личному общению с Леонидом Петровичем его жизненное кредо стало девизом «его» телевидения, воплотив крылатое крыловское напутствие: «Чтоб не ослабить дух и не испортить нравы».

Почему же против истинно демократического руководителя ТВ на завершающем этапе перестройки была развязана оголтелая травля? Почему появилось письмо за подписью известных деятелей культуры, требовавших убрать Кравченко с телевидения? Почему ни один – да, ни один! – из тех, кого Леонид Петрович, как говорится, самолично привел на ТВ, не только не выступил в его защиту, но наоборот, все они приняли участие в этой травле? Почему после событий августа 1991 года кто-то сорвал с двери его кабинета официальную табличку и прикрепил вместо нее бумажку с надписью «государственный преступник»? Что же это было за время? Что же случилось в это время с людьми?.. Какой-то особый, говоря словами Леонида Леонова, «сезон жизни»... Ведь именно Кравченко, глубоко понимая ситуацию в стране, накануне первых независимых российских выборов смело, на свой страх и риск подписал тайный – тайный! – приказ о передаче Второго телеканала России (свой канал ельцинские назначенцы подготовить еще не успели). Наконец, именно Кравченко в трагические дни августа 1991-го предоставил эфир критикам ГКЧП. Почему же нынешние «короли эфира», выросшие под опекой Леонида Петровича, действовали по принципу «Ты нас породил, мы тебя и убьем!», а сегодня напрочь позабыли о человеке, который дал им телевизионную жизнь?

Сам Леонид Петрович, предельно совестливый и порядочный (именно о таких людях сказал когда-то Константин Леонтьев: «Не гнут ни помыслов, ни шеи»), в своей книге не задает эти колкие, неприятные вопросы. Но они сами собой возникают у читателей, позволяя им лучше понять сегодняшний день нашего телевидения.

Да, необычная это книга. Очень интересная для чтения, но многопечальная, отяжеляющая душу грузом понимания того, через какую моральную грязь, до конца не очищенную поныне, довелось пройти стране на переломе эпох. Это книга о чести и... несправедливости. И хотя нет в ней упреков в чей бы то ни было адрес, но воспоминания Леонида Кравченко словно обнажают неприглядный проволочный каркас с виду благопристойных гипсовых фигур всех видов власти – от первой до четвертой – и, конечно, отразятся на исторической репутации многих нынешних теледеятелей.

И еще, верю я, наступит время, когда такими людьми, как Леонид Петрович Кравченко, истинными, а не подложными демократами, Россия будет гордиться.

Анатолий Салуцкий

Глава I

Материнское напутствие: живи и пиши, сынок, по совести

Боль... Глубокая душевная боль от горестных воспоминаний вот уже более двадцати лет не оставляет меня. Воспаленная память будоражит событиями «великой горбачевской перестройки», которая вошла в мировую историю как эпоха гласности и демократизации. Тогда она подняла нашу страну и ее лидера Михаила Горбачева на такую высоту популярности и мировой известности, что все мы испытывали какой-то необычайный душевный подъем. В восторге самоупоения от того, что отныне можем обо всем говорить смело, открыто, ничего не опасаясь, мы впали в какой-то момент в состояние общенационального опьянения.

Этой эйфории открытости невероятно способствовало телевидение. Неожиданно популярными стали новые телепрограммы – «телемосты», когда в прямом эфире целые аудитории наших и зарубежных сограждан обсуждали вместе самые «закрытые» в недавнем времени политические и бытовые темы. Когда идолами молодежи вдруг стали программы «Взгляд», «До и после полуночи», «12-й этаж», «До 16 и старше». В прямой эфир вернулся закрытый ранее «КВН» с популярным и вечно молодым Сашей Масляковым. Всех будоражила коротенькая, но очень смелая сатирическая передача «Прожектор перестройки». Популярную молодежную конкурсную программу «А ну-ка, девушки» сменила мужская «А ну-ка, парни». Еще более изобретательной становилась телевикторина эрудитов «Что, где, когда».

В открытом эфире шли литературные вечера с выдающимися поэтами. Перед десятками миллионов людей отчитывались в прямом эфире министры о своей работе, каялись в ошибках. Музыкальные и сатирические конкурсы заполнили эфир. А какая-то совсем неожиданная передача «Играй, гармонь» переросла во всероссийское движение, причем такого размаха, что гармонь стала великим дефицитом. Пришлось спешно строить несколько фабрик для производства гармоней.

А еще появились в прямом телеэфире утренние информационно-развлекательные молодежные каналы. И на радио возник трехчасовой открытый молодежный канал с острыми дискуссиями и популярной эстрадной музыкой.

Стремительно росли тиражи газет и толстых литературно-художественных журналов. Все соревновалось в смелости и независимости суждений. Большинство кинулось открывать «белые пятна» истории, да так бойко, что сама история все более становилась неузнаваемой. Темой номер один стало разоблачение сталинизма с его репрессивным аппаратом ГУЛАГов, унесших жизни миллионов безвинно убиенных. Появились новомодные писатели-публицисты, которые, по сути, стали переписывать историю Великой Отечественной войны в самом мрачном цвете – как цепь ошибок Сталина и его полководцев. В целом в газетных и журнальных публикациях возник такой коктейль, такая гремучая смесь ошибок – экономических, политических, социальных, приписанных советскому времени, что в головах миллионов людей стремительно происходила переоценка всех и всяческих идеалов. Но волны демонических откровений продолжали накатывать...

Но вдруг в обществе напряглись другие силы, почувствовавшие себя оклеветанными, отверженными, как будто это не они одержали великую победу в борьбе с фашизмом, будто не они первыми запустили человека в космос, будто не они быстро восстановили разрушенное войной хозяйство и создали мощную оборонную индустрию, современную ракетную технику и даже выдерживали стратегический военный паритет в сопоставимых величинах стран НАТО и советского блока. Да и жилья, причем бесплатного, мы вводили в три раза больше, чем сегодня.

И тогда открылось другое поле боя, поле политических сражений. А самое страшное – оторвался мощный фронт внутренних идеологических и политических противостояний в обществе, что придало дополнительное ускорение разрушительным силам.

Наступил страшный разлом, который развалил великое государство – Советский Союз. Мы его потеряли – на радость меньшинства населения СССР, на великую радость большинства западных стран и на горе россиян и всех близких нам народов, не сразу осознавших эту трагедию в геополитическом плане. Ведь рухнула великая империя, а вследствие этого возникла затем страшная разрушительная сила «цунами», которая затронет вся и всех и будет сотрясать многие страны мира, детонировать в политике, экономике, образе жизни, в культуре, образовании, нравственном укладе жизни, в национальных отношениях.

Разрушенный баланс сил вызовет планетарные сдвиги, новые войны, острейшие межнациональные конфликты. Сначала будет Карабах, потом чеченские войны и незатухающие конфликты на всем Северном Кавказе. Будет короткая, но кровопролитная война в Приднестровье... Будут страшные теракты с огромными человеческими жертвами в Буденновске, Беслане, Москве... Будут надругательства над могилами советских воинов в Прибалтике. Наступит трагедия расчлененной Югославии с воздушными сокрушительными бомбардировками Белграда и незаконным провозглашением Косова...

Дикий, но неизбежный поворот истории приведет к грузинской агрессии против народов Южной Осетии и Абхазии. А на стороне агрессора против российских освободителей, ее танкистов и летчиков, будут сражаться украинские наемные специалисты на бывшей советской технике.

Невозможно было представить себе даже в дурном сне еще 20 лет назад, что русские будут воевать с грузинами и украинцами. И что газовая война с Украиной станет перманентной. И что часть Украины захочет в НАТО, а на украинской земле национальными героями станут предатели гетман Мазепа и гитлеровский прихвостень Бандера, а украинский «голодомор» объявят российским преступлением...

Боже, какой еще длинный перечень можно выстроить в этом «черном списке» противостояний между братскими славянскими народами, что порождено преступными ошибками зарвавшихся в националистическом угаре государственных деятелей, расколовших в Беловежской Пуще великую страну.

Осталось сказать теперь главные слова: *гибель СССР стала самым трагическим событием XX века, которое вызвало тектонические последствия для всего мира.*

Было разрушено некое равновесие сил. Мир вдруг стал однополярным. И плохо скрываемое ликование «победителей», царствующих в этом однополярном мире, тоже оказалось не столь продолжительным. Мир вздрогнул от страшного удара по небоскрегам в Нью-Йорке. США увязли в бессмысленных разорительных войнах в Ираке и Афганистане. Кровавая бойня в Палестине – как еще один страшный незатухающий конфликт.

Неожиданно на этом фоне возвысился независимый голос Венесуэлы и Боливии. Набирают мировое влияние Бразилия, Индия. И всех удивит стремительное развитие КНР, где умная экономическая политика с эффективным участием государства творит чудеса. Государство выходит по своему могуществу на второе место в мире.

И вдруг в этой цепи противоречивых процессов грянул мировой экономический кризис. Он крепко потряхнул всех, и конечно Россию. И больно стало всему миру.

Разумеется, у каждого боль – своя. Есть и такие, кто ее не чувствовал и не чувствует. Но моя боль станет понятнее читателю, когда он пройдет вместе со мною по страницам этой книги, написанной предельно искренне и откровенно. Ведь история горбачевской перестройки, в которую волею судеб я был затянут в самое ее пекло, для меня – не случайность. Это какая-то предрешенность, зов судьбы. Корни этого я нахожу в формировании моего характера деревенского мальчугана в семье сельских школьных учителей еще в предвоенное время.

Я родился тогда, когда мой отец, сельский учитель Кравченко Петр Павлович, будучи большим патриотом, отправился на войну с белофиннами. Его не призывали в армию, ушел добровольцем. Кроме фотографий и рассказов матери о его удивительной порядочности, я больше об отце ничего не знаю. После, в общем, бесславной той войны отец вскоре оказался на фронтах Великой Отечественной. По некоторым отрывочным сведениям, его вместе с другими попавшими в окружение под Одессой бойцами вывозили на кораблях в сторону Севастополя. Но немецкие самолеты после нескольких налетов разбомбили и утопили наши корабли. Больше об отце ничего не знаю, но вечно чту его память как человека, не только давшего мне жизнь и наполовину украинскую национальность, но и как мужественного бойца.

Мать, Вера Григорьевна, родившаяся на Брянщине, училась в одной школе и даже сидела за одной партой с будущим знаменитым писателем Николаем Грибачевым. 54 года она работала сельской учительницей начальных классов – сначала в Брянской, а потом в Смоленской областях. Рядом с ней до конца дней своих был ее второй муж, тоже сельский учитель, директор школы Абинин Василий Михайлович. Когда-то вместе с отцом и матерью он заканчивал Новозыбковское педучилище на Брянщине, тоже фронтовик, был тяжело ранен и позднее фактически усыновил меня.

В 1956 году, благословляя меня поступать на факультет журналистики МГУ, он скажет мне: «Сынок, ты решился на отчаянный шаг – чуть ли не первым в Смоленской области идешь в МГУ, да еще на такой факультет. Мужайся!». Василий Михайлович подарил мне единственный свой выходной костюм, снял со своей руки часы «Победа» и добавил: «Будь победителем всегда. И главное – люби свою маленькую и большую Родину. Будь патриотом!».

Этому завету я остался верен навсегда, хотя временами мне это дорого обходилось.

Но память меня возвращает к сентябрю 1941 года, когда мне всего-то исполнилось чуть больше трех лет и четырех месяцев. Тогда в нашу маленькую брянскую деревушку пришли немцы. Несколько часов их обоз, запряженный тяжеловесными откормленными конями, занимал наше Закочье и большое село Красное. Немцы растащили стоявшие кругом стога сена, расставили себе палатки, а в дома приходили за молоком и яйцами. Бабка то и дело ругалась с ними, но поначалу они были незлобливы. Мать знала несколько немецких слов и как могла изъяснялась с ними.

Но Брянщина – край партизанский, и мне не дозволено было знать того, что в соседнем лесу, который начинался прямо от нашей деревеньки, уже создавался партизанский отряд.

Помню, однажды днем мать со старым дедом о чем-то шептались, а на ночь мы все легли спать на полу, одевшись. Меня даже обули в лапотки. А поздно ночью мы тихо вышли во двор, где стояла уже запряженная в подводу наша корова. На подводу сложили всякие мелкие пожитки, еду, и все тихо потянулись в лесочек...

Было бы странно ждать от меня партизанских воспоминаний. В калейдоскопе памяти остались люди с винтовками, перетянутыми через грудь патронажами. Куда-то они уходили, откуда-то иногда доносилась стрельба. Позднее я узнал о крупных операциях, в которых участвовали мои дядя и тетя. Это была сложнейшая операция, она даже вошла в историю Отечественной войны. Партизанам удалось взорвать «Синий мост» на железной дороге, которая шла недалеко от нашей деревни в сторону Сталинграда. Жертв было много, а моя тетя даже получила орден.

Главное – немцев выгнали из партизанской зоны. Позднее мне очень хотелось быть participant к партизанским подвигам, приходилось фантазировать. Особенно когда после войны переехали на родину отчима в Велижский район Смоленской области, где и началась моя учеба в Логовской семилетней школе.

Как партизанский ребенок, я без конца придумывал разные истории и даже «сообщал по секрету», как мы с тетей немецкий танк заминировали. На самом деле мои бои были местного

значения и велись они с наглым... козлом. Он все таскался за мной, а однажды настолько обнаглел, что подцепил рогом за ремешок моей рубашки, да и забросил меня себе на спину.

Но временами действительно было страшно. Однажды мы гуляли с тетей вблизи лесочка, собирали землянику. И вдруг над нами появился немецкий легкомоторный самолет. Мы побежали, хотели спрятаться. Самолет – за нами и даже пострелял рядом. А потом мы кинулись к стогу сена, и тут немецкий летчик на бреющем махнул нам рукой и что-то сбросил в нашу сторону. Было страшно – вдруг взорвется. Тетя тихонько, выждав паузу, подошла к посылке с воздуха. Потом меня позвала. Оказывается, немец только пугал, а сам хороший гостинец сбросил – набор шоколадных конфет. Тетя Шура в сердцах скажет: «Всетаки не все у них сволочи!».

Послевоенная школа запечатлелась в моей памяти как ребячья коммуна. Время было такое голодное, что каждым кусочком хлеба, картошки, яйца – всем делились как могли. И учиться помогали друг другу, вытаскивали даже самых отстающих. Свою самостоятельность придумывали вместе с учителями. А мои родители и жили в этой школе – квартиры для приезжих не нашлось. Здесь и учили ребят. К шестому классу я даже какую-то пьесу написал, потом вторую. Вместе с учителями сыграли пьесу, тут уж, конечно, мои родители гордились моими первыми литературными опытами.

Удивительное необъяснимое явление для детей войны: никто нас особо не принуждал, но мы хорошо учились, очень полюбили свою библиотеку. Трое из нас – мои верные друзья – втянулись даже в игру, кто больше прочитает книг. Горжусь, что первой моей наградой в жизни была книга «Лучшему читателю Логовской сельской библиотеки». Эта книга – сборник произведений Аркадия Гайдара. Все рассказы и повесть «Тимур и его команда» оставались долго любимейшими. Быть мужественным, верным и чутким другом, прийти на помощь раненым, проявить милосердие к нуждающимся – вот какие нравственные уроки усваивал я у Аркадия Гайдара. Какое же глубокое потрясение я пережил много лет спустя, когда узнал о «подвигах» моего героя в далекой Хакасии. Там юный командир кавалерийского полка беспощадно пулеметными очередями косил и собственноручно рубил шашкой без всякого разбора людей – большей частью невинных! До сих пор я был глубоко убежден: человек нравственный не может быть подлецом и негодяем. Что человек совестливый, чистый душой, не может быть хладнокровным убийцей, безжалостной личностью. Оказывается, все это самое страшное – возможно! Вот такие совсем не детские вопросы угнетали меня долго, угнетают и по сей день.

Наступит в России в 1992 году страшная по своим последствиям разрушительная перестройка. За каких-то десять лет страна в своем экономическом развитии будет отброшена на десятилетия. А реформу затеют великие монетаристы во главе с внуком Аркадия Гайдара – другим безжалостным Гайдаром. Цены взлетят в тысячи раз, более 60 млн. россиян окажутся в нищете, миллионы детей – другого гайдаровского поколения станут бездомными, и на них уже не найдется ни Феликса Дзержинского, ни Антона Макаренки с их трудовыми колониями, чтобы броситься спасать выброшенную на улицу, в подворотни, в подвалы, на чердаки детвору. Неужели холодный экономический расчет Гайдара окажется генетическим кодом безжалостного красного конармейца? А ведь очень похоже!

Во время учебы в Велижской средней школе я снова стал лучшим читателем. Но уже районной библиотеки. Теперь в качестве награды я получил огромный том Диккенса «Холодный дом». Признаюсь, было очень трудно, но Диккенса я осилил. А спустя много лет, когда меня, народного депутата СССР, заставят являться на бесконечные допросы по делу ГКЧП, я вспомнил на одном из допросов по странной ассоциации пленившие меня в детстве своей чистотой произведения Аркадия Гайдара и «Холодный дом» как возможный тюремный закуток, куда меня могли упечь современные «гайдаровцы», успевшие обворовать, обанкротить страну, присвоить себе через дикую приватизацию огромные природные ресурсы России и выбросить на обочину истории миллионы обездоленных людей, которым никакие «тимуровцы» помочь уже никак не могли.

Но все это будет потом. А в средней школе, пока несокрушимы были книжные и родительские идеалы, я готов был бороться с любой несправедливостью. Вот проходила зимняя школьная спартакиада, и всех ее участников позвали в райком комсомола, чтобы всем сразу вручить комсомольские билеты. А за что спрашивается – только за лыжный пробег? Ведь среди нас были совсем не достойные для комсомола школьники: плохо учились, некоторые хулиганили, обманывали учителей. Я возмутился и написал в областную молодежную газету письмо, что вот так легко обесценивается звание комсомольца и комсомольский билет. Письмо опубликовали. Большой шум был, а меня заметили и «наказали» тем, что избрали комсоргом школы и членом райкома комсомола. Почетно было. Но странно вышло. На практике ничего же не поменялось. Наступило тебе 14 лет – и айда в комсомол.

Когда шли последние экзамены и мы уже мечтали: кем стать в жизни, какую профессию выбрать, я опять угодил в историю. Поскольку учился с отличием, помог первым своим друзьям прочитать и исправить ошибки в их сочинениях. Они получают «пятерки». А вот проверить свое собственное сочинение по истории Второй мировой войны не успел. Доверился интуиции. Но два дня спустя меня пригласила на тайную беседу директор школы и очень деликатно попросила исправить ошибку в моем сочинении, где я неправильно написал знаменитую фамилию «Черчилль».

– Лёня, ты гордость нашей школы, ты явный золотой медалист, чемпион района по шахматам, пожалуйста, исправь своей рукой ошибочку. И школа наша будет в большом почете: комсорг школы – золотой медалист! Вот так сказала мне явно смущенная любимая моя математичка. И мне вдруг не себя стало жаль, а ее – заслуженную седую учительницу. И я не послушался, отказался.

В тот же день, вернувшись домой, в свое село, все рассказал своей маме, своей самой любимой учительнице признался во всем. Мать одобрила и сказала: «Обман все равно боком вылезет, а так, глядишь, ты по-честному поступишь. *Живи, сынок, всегда по совести. А если журналистом станешь, то и пиши тоже по совести*». Это было самое главное напутствие на всю мою жизнь.

А на факультет журналистики я все же поступил, и вот как вышло. Тогда без экзаменов поступали золотые медалисты. Но им предстояло проходить собеседование. А вот серебряные медалисты, как и я, сдавали по два экзамена. На собеседованиях царил бесконтрольный хаос. Часть золотых медалистов «завалили», особенно деревенских. Я сдал на «отлично» оба экзамена и стал гордостью всего Велижского района. Ни до, ни после меня уже больше никто не поступил отсюда в МГУ.

Но зато я помню, и всю жизнь буду помнить замечательный лозунг первого декана факультета журналистики МГУ Евгения Худякова: «Газету надо делать чистыми руками». Усвоил эту истину, как и материнскую заповедь, на всю жизнь. А лозунг этот сегодня обрел сверхвысокую актуальность, когда коммерциализация целиком поглотила нашу журналистику.

В студенческие годы я опять оказался среди комсомольцев-максималистов, которые потребовали в письме в Министерство высшего образования провести реформу на факультете журналистики. Освободить нескольких бездарных преподавателей, ввести в учебный процесс стенографию, фотодело, начать издавать свою учебную газету. Мы тогда победили. Нашим комсомольским вожаком был знаменитый Игорь Дедков, будущий блестящий журналист, публицист, литературный критик... На его место потом пришел на три года комсоргом факультета Леонид Кравченко.

Будучи комсоргом факультета, мне дважды посчастливилось быть комиссаром студенческих строительных отрядов. Вспоминаю всегда об этом с восторгом! Какая это была дружная студенческая семья. Ни одного скандала, ни одного конфликта. Тогда никто даже не задумывался, кто какой национальности. Правда, случались конфликты с местными работягами. Часть из них – в прошлом уголовники, вышли из мест заключения и теперь на хлебных токах

нами командовали. Но, поближе присмотревшись, мы выяснили, что по ночам хлеб с токов в мешках куда-то тайком увозили. Вместе с двумя боевыми хлопцами я спрятался однажды среди мешков, и мы всю ночь куда-то ехали. Так удалось выяснить, что хлеб воруют, тайно увозят и продают «левым путем».

Мы подключили милицию, и в итоге удалось разоблачить группу уголовников. Конечно, о нашем «подвиге» написали в газетах, а в студенческой газете МГУ даже появился очерк «Наш Леня». Это обо мне, но мне так было неловко и стыдно за этот очерк, где все преувеличивалось до небес, что я попал на насмешки ребят. До сих пор храню тот очерк как образец неумелой хвалебной журналистики, когда кажется, что лучше бы тебя критиковали, чем так хвалили!

И все же нас наградили медалями «За освоение целинных и залежных земель». А я на заработанные деньги впервые купил себе пальто, поскольку первые две зимы проходил в плаще – помочь мне было некому.

Все, что я успел сказать в своей вступительной главе к этой книге, вовсе не фрагменты моей биографии, а попытка объяснить, какие нравственные принципы я с детства и всю жизнь исповедовал и как сама жизнь обошлась со мною, с моими нравственными принципами и политическими убеждениями. Признаюсь: был бит больно и многократно. Хотя грех жаловаться, судьба моя в журналистике оказалась в чем-то уникальной, в чем-то неповторимой. И мне бы радоваться своей творческой биографии. Радоваться, но не могу. Да, мне посчастливилось руководить четырьмя популярными центральными газетами, в ранге министра руководить Телеграфным агентством Советского Союза (ТАСС), быть последним председателем Гостелерадио СССР, избираться народным депутатом СССР, стать членом Союза писателей России, академиком Евразийской телеакадемии, возглавлять Федерацию хоккея СССР, иметь много государственных наград – орденов и медалей, одну из которых очень ценю – «Медаль за спасение утопающих»...

И все-таки полной радости не испытываю от прожитой богатыми событиями жизни. Потому что меня по-прежнему мучает боль горбачевской перестройки, где я играл не последнюю скрипку и которая закончилась великим политическим и государственным разломом, повлекшим невосполнимую потерю великого государства.

Глава II

Телевидение подросткового периода

Хочу признаться: моя журналистская судьба как бы раздвоилась. Одна половина жизни отдана газетной работе, другая всецело посвящена телевидению. Но телевидение поглощает профессионала полностью, требует самопожертвования. И в этом я многократно убеждался, когда после семи лет работы в «Строительной газете» неожиданно оказался одним из руководителей московского телевидения.

Сама судьба распорядилась так, поскольку такому повороту предшествовала репортерская работа по освещению строительства нового Останкинского телецентра...

Так случилось, что в мае 1967 года меня неожиданно пригласил на беседу в Шаболовский телецентр знаменитый человек – Николай Петрович Мушников. Заочно я знал о нем как об организаторе первых телевизионных новостей на советском телевидении. Еще в 1956 году ему поручили создать редакцию «Последних известий». Ему же доверили в 1957 году освещать Московский международный молодежный фестиваль. Всего лишь с двумя передвижными телестанциями и относительно небольшой группой теле- и кинооператоров телевизионщики умудрялись творить чудеса. А еще раньше, в мае 1956 года, Николай Петрович Мушников сумел при той же скудной технике провести первую в нашей истории телевизионную трансляцию военного парада и демонстрации трудящихся на Красной площади. По тем временам это было фантастикой.

В конце 1960 года Николаю Петровичу доверили создать московский канал телевидения. Именно так называлось тогда творческое объединение «Главная редакция передач для Москвы». И вот 16 января 1961 года по Второму каналу вышел новый телевизионный выпуск «Московских новостей». Но работников у Николая Петровича катастрофически не хватало. И понадобилось новое решение. Тогдашний председатель Госкомитета по радиовещанию и телевидению Сергей Кафтанов дал особое поручение главному редактору общественно-политических программ Константину Степановичу Кузакову выделить из своих рядов группу квалифицированных журналистов для московской редакции.

Дело оказалось непростым. Лишних людей не было и у Константина Кузакова. К тому же Константин Степанович был человеком с тяжелым норовом – как у отца. А между тем отцом его был, страшно сказать, сам Иосиф Сталин. Кузаков был внебрачным сыном вождя, рожденным в сибирской ссылке. Это официально знали и в ЦК партии, где, кстати, ряд лет Константин Кузаков руководил даже идеологическим управлением. Сам он родством со Сталиным никогда не бравировал, но держался всегда с достоинством, а главное – отличался глубоким аналитическим умом, взвешенностью решений и твердым неуступчивым характером. Так что выпросить у него кадровые единицы для Мушникова было архисложно. Борьба шла за каждого человека. Но тут вмешался Московский горком партии, и Константину Кузакову пришлось примириться с потерей нескольких своих «бойцов».

Ядро московской редакции составили В. Козловский, позднее руководивший Главной редакцией литературно-драматических передач Центрального телевидения, В. Стрельников, А. Вороткова, Э. Свердлова – дочь Якова Свердлова, П. Доброхотов, Г. Боровик – будущая жена Генриха Боровика, И. Казакова – дочь советского посла, режиссеры Н. Колчицкая и Т. Кравченко. Люди, надо сказать, талантливые, они оставили яркий след в истории тележурналистики.

Руководителем же последних известий ЦТ, тут же переименованных в «Телевизионные новости», на I канале стал знаменитый Юрий Фокин, о котором разговор будет особый.

Итак, с легким трепетом я вошел в крошечный по размерам кабинет Николая Петровича Мушникова, пригласившего меня на смотрины. Взглянув на Николая Мушникова, я впал в смятение. Со мной мягко поздоровался человек с изувеченным тяжелым ранением лицом. На месте правой стороны черепа – огромная вмятина, глубоко запавший невидящий глаз. Он заметил мое смущение и легким жестом руки, указывая на лицо, смущенно заметил: «Страшный след войны». Но потом улыбнулся: «Правда, голова работает исправно, иногда лишь по погоде мучают боли...».

Уже через минуту смущение прошло. На меня смотрел доброжелательный человек, который не скрывал, что пристально изучает собеседника. Признался, что ему порекомендовали меня. С легкой, чуть ироничной улыбкой сказал: «Говорят, что вы молодой, но уже талантливый, работающий и надежный...».

Перед Николаем Мушниковым лежали вырезки моих публикаций из «Строительной газеты». «Вот внимательно ознакомился с некоторыми вашими статьями. Особо обратил внимание на репортажи по строительству Останкинского телецентра. Понравилось...».

После небольшой паузы спросил: «А вас не тянет на телевидение?». Я признался, что равнодушен к телевидению и даже успел два раза выступить на московском канале с рассказами о крупных новостройках.

– Знаю и об этом, – уточнил Мушников. – Но работа у нас адская – день и ночь и нередко без выходных. Не хватает кадров, но самое поганое – дефицит всего. Не хватает пленок, камер. Осветительной аппаратуры. Выкручиваемся за счет кинолюбителей, фотографов и устной оперативной информации. Так что к нам идти – как на добровольную каторгу...

На первой же беседе Николай Петрович показал мне объемную картотеку, где выстроилась целая вереница карточек в алфавитном порядке.

– Это мой кадровый резерв. Вот и на вас личная карточка уже имеется. И он предъявил мне на картонном бланке мое коротенькое досье.

По всему чувствовалось, что Николай Петрович мне симпатизировал. И он предложил: «Давайте посмотрим редакцию». Рядом с его маленьким кабинетом было помещение, забитое столами. «Это служба новостей», – отрекомендовал он работников, едва вмещавшихся за столами. Потом отправились посмотреть маленькую монтажную и поднялись на второй этаж. Там кабинет был посolidнее, но за каждым из шести столов числилось по три-четыре «творца». Это был отдел тематических передач. Он выпускал уже ставшие популярными телеобозрения «Москва и москвичи», «Москва вчера, сегодня, завтра», сатирический тележурнал «Глаз за глаз...».

Потом Н. Мушников подвел меня к свободному столу и сказал: «А вот это стол моего первого заместителя. Присматривайтесь. Возможно, это будет ваш стол».

Беседа позже продолжилась. Мою кандидатуру утвердили на коллегии Госкомитета и в Московском горкоме партии. Так в июне 1967 года началась моя телевизионная биография.

К великому сожалению, мне не посчастливилось долго поработать вместе с Николаем Петровичем Мушниковым. Вскоре он тяжело заболел и через семь месяцев умер. Для всего телевидения и для меня лично это было тяжелейшей утратой. К тому же все тяготы руководства редакцией легли на мои плечи.

Такого адского творческого напряжения никогда не сваливалось на меня. Работал в каком-то угаре. И, тем не менее, это время до сих пор вспоминаю как великую школу телепознания, где всему пришлось быстро учиться: сценарному делу, режиссуре, монтажу, организации репетиций и даже неоднократно выступать в роли ведущего передач.

Во всех редакциях на Шаболовке теснотища была невероятная. Пройдет еще полтора года, и состоится великий переезд в Останкино. Но тогда, в 1967 году, телевизионщики сидели, как говорится, друг у друга на голове. На одну творческую группу приходился один стол. За ним сидел телевизионный редактор, а при нем еще значились режиссер, его ассистент, помощ-

ник и даже сценарист. Вместе собирались где придется: в коридорах, буфете, на дому, летом – в парках и т. д. Полностью редакцию можно было лицезреть лишь в дни зарплат.

Эта работа «на бегу», «на скаку» накладывала на готовящиеся передачи отпечаток поспешности торопливости. И, тем не менее, очень мало было среди нас равнодушных. Почти у каждого горели глаза, затевались бурные споры, дискуссии. Шел непрерывный поиск новых передач, новых форм, неожиданных телевизионных «ходов» и открытий.

Сегодняшние молодые режиссеры, их ассистенты, редакторы, репортеры, телеведущие, монтажеры и представить себе не смогут, что в те далекие годы не было, например, «синхронных камер». Нынешние «бетакамеры» и прочие репортерские камеры, которые не только снимают, но и одновременно пишут звук, нам тогда и не снились. Представьте себе: кто-то дает интервью, камера его снимает, а звук через микрофон пишется отдельно. При монтаже видеоряда и звуковая дорожка этого интервью совпадали не более чем на две минуты! Дальше синхронизация разрушалась, и артикуляция говорящего начинала не совпадать с видео. Поэтому съемку приходилось останавливать, делать монтажные «перебивки», чтобы снова на те же две минуты синхронизировать видеоряд и звук.

С ужасом вспоминаю монтажные столы, которые были изношены и оставляли царапины на видеопленке. Получался брак неисправимый, и, чтобы выдать передачу в эфир, руководители редакции писали рапортчики в телецентр о том, что брак они берут на себя. Технические службы телецентра таким вот образом сохраняли себе премии, перекладывая ответственность за плохое состояние техники, ее изношенность на плечи творческих работников.

Компьютерной техники не было и в помине, поэтому все титры, начиная от названия передачи и кончая фамилиями ее создателей, писались вручную художниками-текстовиками на планшетах. В студии на двух пюпитрах помощник режиссера выставлял в строгой последовательности эти титры, заставки и по команде в нужный момент ловко убирал их из эфира. Правда, не всегда удавалось сделать это быстро, и тогда телезрители неожиданно видели в эфире, как чья-то рука убирает на их глазах эти самые титры. А случалось и так, что в титрах художники делали орфографические ошибки, а еще хуже, когда в спешке помощники режиссеров выдавали титры, перевернутые «вверх ногами».

Все эти накладки были сплошь и рядом. Из-за недостатка пленки (она лимитировалась) часто прибегали к помощи фотографий. Фоторяд в передачах использовали так часто, что фото стало предметом искусства на телевидении. Телеоператоры в студии умудрялись путем отъезда, наезда, укрупнения, мягких, плавных переходов с одной фотографии на другую создавать маленькие шедевры фотоочерков на телевидении. Жаль, что сегодня этот прием используется редко.

Самый же большой недостаток того телевидения – отсутствие электронного монтажа. Склейки, к которым прибегали монтажеры, занимали много времени и снижали качество видеоряда. Эта техническая бедность, ограниченность изобразительных средств приводили к неожиданным, парадоксальным формам телепрограмм. Главное заключалось в том, что при отсутствии синхронных камер и электронного монтажа передачи, как правило, шли «живьем». Практически все общественно-политические передачи выходили прямо в эфир. Так называемые «разговорные» телепередачи составляли основу общественно-политического вещания.

Конечно, при этом допускались многочисленные накладки, всякого рода сюрпризы, которые так характерны для «живого», открытого телевидения. Но парадокс как раз заключался в том, что они создавали эффект доверия у телезрителей. Старшее поколение хорошо помнит живые выходы КВН, когда юморески, шутки, прибаутки, конкурсы хотя и сопровождались накладками, оговорками, но были в цене за свою открытость, непосредственность, неприглаженность, за неповторимый «эффект присутствия» на событии в момент его свершения.

Однако случались и такие накладки, которые сплошь и рядом вели к разборкам на самом верху. Ведь «живые» политические передачи всегда чреваты неприятностями. А времена-то

были суровыми, спрос и контроль – жесткими. Вот почему каждое утро на телевидении руководители редакций и технических служб собирались в кабинете заместителя председателя Комитета по радиовещанию и телевидению Георгия Александровича Иванова. На планерках он дотошно разбирался с каждой ошибкой (даже в титрах!), каждой накладкой. При этом был суров, но справедлив. Мне тоже не раз приходилось бывать в его «бане», но обид не осталось.

Без преувеличения скажу, что Георгий Александрович Иванов обладал незаурядными способностями организатора и высокой эрудицией. Во многом благодаря ему удалось в какие-то три года не только осуществить переезд основных творческих подразделений в Останкино, но и втрое увеличить объем вещания. Он стоял у истоков большинства новых циклов телепрограмм, фильмов, общественно-политических, литературных и музыкальных передач. В паре с другим крупным государственным деятелем тогдашним председателем Госкомитета Николаем Николаевичем Месяцевым они смогли осуществить много новаций.

Одним из крупнейших телевизионных проектов того времени станет историко-революционный документальный сериал «Летопись полувека». Его подготовка и показ были приурочены к 50-летию Октябрьской революции. Для создания каждого фильма были организованы творческие группы из числа лучших режиссеров, сценаристов, операторов, редакторов, авторитетных ученых, историков, консультировавших фильмы. Правительство своим решением выделило дополнительные средства, которые позволили закупить дополнительную телевизионную технику, оборудование, оплатить нелегкий творческий труд создателей уникального сериала. Убежден, «Летопись полувека» и сегодня остается ценным историческим документом своего времени.

В пятидесяти фильмах по каждому году давалась историко-философская трактовка событий. Главной ценностью фильмов были и остаются факты, хотя трактовка их временами была идеологизированной.

Сериал показывался по телевидению в течение восьми месяцев. Истинной правдой является то, что миллионы людей с огромным интересом смотрели эти фильмы, а многие телезрители оказывались героями этих фильмов. Я сам свидетельствую, что огромное число людей торопились с работы к началу очередной серии. Усаживались у экранов семьями, вместе с друзьями и с гордостью смотрели, какими были их деды, отцы и матери и как много им удалось совершить. В том числе одержать историческую победу над фашизмом, восстановить от разрухи в послевоенные годы города и поселки, фабрики и заводы, построить новые гигантские электростанции, металлургические заводы, современные химические производства, новые железнодорожные магистрали...

Первый показ первой серии «Летописи полувека» состоялся 21 апреля 1967 года. А через две недели – 8 мая по телевидению и радио прошла торжественная церемония зажжения Вечного огня славы на Могиле Неизвестного солдата у Кремлевской стены. Останки неизвестного солдата перевезли из района Дубосеково, где смертью храбрых пали 28 героев-панфиловцев.

Вот как вспоминает Николай Месяцев об этом поистине трогательном и горестном событии, когда на Могиле Неизвестного солдата в присутствии всего руководства страны и знаменитых военачальников вспыхнул Огонь вечной славы.

– Шел май. Александровский сад под кремлевскими стенами наливался сиреневым цветом, на земле полыхали ярко-красные, как кровь, тюльпаны, а над всей Москвой висел легкий, словно пух, туман, едва пробиваемый солнечными лучами.

Через считанные минуты скажет проникновенные слова памяти павших Николай Григорьевич Егорычев – фронтовик, первый секретарь Московского горкома партии мой сверстник и единомышленник, а за ним слова «Вечный огонь» повторят благодаря телевидению и радио Москва, вся страна – от западных ее границ до восточных.

Николай Егорычев, произнося слова прощания, говорил сквозь сдерживаемые рыдания. Плакал и я.

Глядел я сквозь чугунную ограду Александровского сада, через Манежную площадь – вверх на улицу Горького, к гостинице Москва, в сторону Большого театра – повсюду были люди, мои дорогие москвичи... У всех – слезы на глазах, слезы памяти горестных утрат в великой войне, где мы оказались победителями над хитрым, сильным врагом, над фашистской Германией.

Было тихо. Очень тихо... Тысячи людей ждали. Ждала вся многонациональная страна. Мы уже научились связывать воедино передачи телевидения и радио, синхронизировать их прямой выход в эфир. Часы отсчитывали последние секунды захоронения Неизвестного солдата. И вот вспыхнул Вечный Огонь на Могиле Неизвестного солдата.

Грянул орудийный салют. Потянуло запахом войны. Зазвенела медь оркестра...

Я подошел к Брежневу, попрощался с ним и другими товарищами, забрал у Егорычева текст его выступления и пошел через Красную площадь в Замоскворечье, на Пятницкую, в Госкомитет.

Бывают минуты, мгновения, когда в тебя вливаются такие силы, которые, думается, не израсходовать. Не истратить вовеки...

Глава III

Как создавалась «Минута молчания»

Но уже на следующий день ровно в 18.50 в эфир на телевидении и радио вышла знаменитая передача «Минута молчания», которая стала святым ритуалом в День Победы на вечные времена.

Но история создания этой поистине исторической передачи начиналась двумя годами раньше. Первой эта идея родилась у замечательной журналистки Ираны Казаковой, сподвижницы Николая Мушникова. Мы с нею знакомы и дружим уже более 40 лет.

А начиналось все так. В феврале 1965 года Ирану Дмитриевну пригласил к себе на разговор главный редактор редакции информации Центрального телевидения Николай Семенович Бирюков. Сославшись на руководство Госкомитета, он попросил: «Подумайте, чем нам ознаменовать 20-летие победы».

Дальше приведу слова воспоминаний самой Ираны Казаковой:

– Я принадлежу к типу журналистов, которым светлые идеи приходят во время хождения по длинным коридорам и формированию «вымученных» внутренних монологов. Новый кадровик, который часто видел меня в коридоре, предложил уволить за «безделье». Но идея пришла именно в момент такого безделья. Я села и быстро написала сценарий будущей передачи-ритуала «Минута молчания».

Николай Семенович одобрил идею и прямо с рукописным вариантом сценария помчался к председателю Комитета по радиовещанию и телевидению Николаю Николаевичу Месяцеву.

Буквально через несколько дней меня вызвал сам Николай Николаевич, и начался долгий, мучительно захватывающий процесс создания «Минуты молчания».

Вместе со Светланой Володиной, редактором будущей передачи, запершись дома, мы сочиняли текст телевизионного варианта передачи. Аркадий Ревенко, комментатор радио, трудился над текстом радиоварианта. Тогда еще никому в голову не пришло, что передача-ритуал должна быть единой и на радио, и на телевидении.

Когда первые наброски текстов были готовы, Николай Месяцев объявил нам, что отныне каждый рабочий день для создателей «Минуты молчания» будет начинаться в его кабинете. Ровно месяц изо дня в день в 9 утра мы уже оказывались в кабинете председателя Комитета. Николай Николаевич, как он любил говорить, «сам брал ручку в ручку» и писал текст, который рождался по слову, по запятой. Это было действительно так: «в грамм – добычи из тонны руды».

Часто к работе подключались члены коллегии Комитета. Хорошо помню подсказки первого зама председателя Энвера Назимовича Мамедова, еще одного зама Георгия Александровича Иванова.

Мучительные поиски каждой фразы, каждого слова продолжались. В те дни ни о чем другом не думали, ничем другим не занимались.

На радио готовилась фонограмма музыкального оформления ритуала. Режиссером радиопередачи стала Екатерина Тарханова, женщина редкостной человеческой красоты. Она, как эллинская богиня, если к чему-либо прикасалась, это сразу становилось значительным, талантливым, озаренным недюжинными способностями прекрасной женщины.

Встала задача: что делать с самой минутой молчания в эфире? На телевидении будет какое-то изображение. А на радио? Целая минута тишины в радиоэфире – дыра. Екатерина Тарханова с ее масштабом мышления и тонкостью воображения придумала в минуту молчания в эфире вплести перезвон кремлевских колоколов, которые сохранились в запасниках Большого театра.

И не просто перезвон, а вызвоненную на колоколах мелодию траурного марша «Вы жертвою пали». Партитура этого марша в исполнении на колоколах тоже была разыскана. Фонограмма складывалась как торжественная литургия.

Ждали текста. А он все выковывался. Страничка с литого слова. Это должна была быть молитва.

Наконец поставили точку и поняли: ни вставить, ни убрать из текста больше ничего нельзя.

Екатерина Тарханова, прочитав текст, долго сидела, опустив голову. Кому дать прочесть молитву? Дикторам, чей голос знаком каждому? Актрисе? Самая большая опасность сделать молитву театрализованной. Катя вышла в коридор и встретила Веру Енютину, диктора радио, чаще всего читавшую рекламу, которую у нас мало кто слушал. «Вера, – спросила Екатерина Тарханова, – ты можешь молиться?». «Не знаю, – ответила Енютина, – давай попробую». Они быстро зашли в студию. Вера склонилась над текстом и очень скоро дала знак, что готова. Записали первый дубль, второй, третий. Но лучше самой первой записи ничего уже не получилось. Его и стали накладывать на готовую фонограмму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.